

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
О-58

Riku ONDA
Komorebi ni Oyogu Sakana
Fish Swimming in Dappled Sunlight

Copyright © 2007 ONDA Riku. All rights reserved. Original Japanese edition published by CHUOKORON-SHINSHA. INC., Japan in 2007. Republished as paperback edition by Bungeishunju Ltd., in 2010. Russian translation rights throughout the world reserved by EXEM LICENCE LIMITED under the license granted by ONDA Riku, Japan, arranged with Bungeishunju Ltd. through Japan UNI Agency, Inc. Russian language edition published by Limited Company Publishing house «Eksmo» under sublicense.

Онда, Рику.

О-58 Рыбки в пятнах света / Рику Онда ; [перевод с японского С.И. Логачев]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Япония).

ISBN 978-5-04-206265-0

Хиро и Аки решили закончить отношения и разойтись навсегда. Из некогда общей квартиры вывезены все вещи, но сегодня она пустовать не будет — молодой человек и девушка проведут здесь последнюю ночь вместе. Сидя на татами и используя дорожный чемодан в качестве стола, они поговорят под напитки и вкусную еду, вспомнят прошлое. А в особенности — один его эпизод...

Есть то, что связывает их сильнее, чем все остальное в совместной жизни. Глубокое чувство вины, отягощенное страшными подозрениями. Когда-то из-за них погиб человек. Не просто погиб, а был убит, уверены оба. И оба втайне считают убийцей друг друга. И в эту последнюю ночь главная цель каждого — во что бы то ни стало добиться от другого признания в убийстве...

**УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44**

ISBN 978-5-04-206265-0

© Логачев С.И., перевод
на русский язык, 2024
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Вообще-то, можно сказать, что это история одной фотографии.

Конечно, здесь есть и загадка, связанная со смертью человека, и рассказ о горах. Плюс к тому — отношения между мужчиной и женщиной, их расставание. Но в центре всего — все-таки фотография.

Что касается фотографий, то недавно у меня был странный случай. Чтобы убить время до назначенной встречи, я заглянул в книжный магазин, где мое внимание привлекла иллюстрация на обложке какой-то книги.

Это было известное фото.

Три молодых человека в выходной одежде идут по проложенной через поле дороге. Все трое смотрят через плечо в камеру.

Глядят как-то странно. На меня.

Понятно, что они смотрели на фотографа, однако нечто — возможно, поворот головы назад, словно кто-то их окликнул, — внушало ощущение, что они пристально наблюдают за тем, как я рассматриваю фотографию.

Этот снимок был одним из многих, сделанных в начале двадцатого века, чтобы запечатлеть жизнь людей разных сословий и рода занятий. Я помню легкое волнение, охватившее меня при мысли о том, что взгляд этих молодых крестьян и после их ухода из нашего мира пронизывает меня, живущего в веке двадцать первом. Но не это показалось мне странным. Больше удивило жгучее ощущение дежавю, которое я испытал при виде фотографии.

Я уже видел такое выражение на лицах. Точно знал, что люди не в первый раз смотрели на меня так же, вполоборота, как на этой фотографии. Я был потрясен.

Нет. Сейчас не время об этом думать. Надо сосредоточиться на насущных делах, на предстоящем разговоре.

Потому что речь пойдет о расставании мужчины и женщины.

Я говорю так, поскольку это касается меня и женщины рядом со мной.

Это наша последняя ночь. Мы проведем ее вместе в этой комнате, а завтра каждый пойдёт своей дорогой.

Первые дни лета. В открытое окно время от времени задувает приятный ветерок. Ночью через это окно ты соединяешься с проникающим снаружи воздухом, дарящим странное, волнующее ощущение свободы.

Вещи по большей части вывезены, внутри пусто и просторно.

Мы сидим друг напротив друга, нас разделяет чемодан, выполняющий роль столика. Подушек для сидения уже нет, но неудобства это не вызывает — татами приятно холодит.

Естественно, постельные принадлежности тоже уехали, так что ночь придется провести на голых матрасах.

Завтра утром первым делом придут мастера и отключат газ, воду и электричество. Потом мы отдадим ключи риелтору, выйдем из квартиры и разойдемся в разные стороны.

Последние дни мы собирали и паковали вещи, не было времени поговорить толком. При переезде всегда так получается — дотягиваешь сборы до последнего. Удивительно, как в скромной квартире с кухней-столовой и двумя комнатами могло поместиться такое

количество вещей. Поэтому всю последнюю неделю мы с утра до вечера занимались их сортировкой, отбирая каждый свое, и почти не встречались взглядами.

Однако мы оба знаем, что в какой-то момент надо будет поговорить обо всем. Без этого ни я, ни она не сможем дальше жить.

Легкий нежный ветерок проникает сквозь сетку на окне, лаская щеки.

Наш дом зажат между речкой и детским сквером. Квартира угловая, на втором этаже; зеленеющие в сквере деревья радуют глаз. Осенью произрастающий там османтус испускает такой сильный аромат, что забивает вкус пищи. Окно моей комнаты выходит в сквер, где на столбе висят часы. По ним я определяю время, когда нахожусь дома.

— Как пусто стало, — тихо говорит она. В ее голосе звучит одиночество.

Помещение, в котором ничего нет, в самом деле кажется очень просторным.

Однако кое-что в нашей комнате все-таки остается.

Как ни стараемся мы отвести взгляд от этого, ничего не получается. Оно как бельмо на глазу.

На стенах и татами остаются следы от стоявшей здесь мебели — призрачные тени наших вещей, напоминающие об их существовании. Все светильники по-снимали, с потолка свисает единственная лампочка.

Но света в комнате хватает.

Предстоит прощальный ужин.

Она взяла на себя еду, я — вино.

Когда грузовик, увозивший наш скарб, скрипя осями, скрылся за углом, мы отправились в торговый квартал. Там мы почему-то разделились, и каждый стал готовиться к последнему вечеру по своей программе.

Вкусы друг друга нам хорошо известны. Я купил крепкого красного вина, которое ей нравится, она взяла в супермаркете мой любимый салат с лапшой.

У меня предчувствие, что это будет длинная ночь. Наверняка она думает так же.

В ожидании долгого разговора она выкладывает сыр и оливки, я достаю бутылку крепкого сётю¹ и минеральную воду.

¹ Спиртной напиток, сырьем для производства которого чаще всего служат рис, ячмень и сладкий картофель. Более крепкий, чем сакэ; обычно его крепость составляет 20–25 градусов.

В запахе еды растворяется сладость ночного ветерка, проникающего через окно.

Я встряхиваюсь, чувствуя, как внутри поднимается и сосредотачивается что-то холодное.

Мое настроение передается ей, напряжение повисло в воздухе, еще когда мы готовились к прощальному ужину. Сохранявшееся до сих пор фальшивое спокойствие начинало давать трещину.

И все же мы улыбаемся друг другу и чокаемся банками с пивом.

Улыбаемся, как друзья, хотя за улыбками и прячется тревога.

— Какая замечательная ночь, — говорит она, глядя в окно.

А может, она видит что-то за окном?

— Угу. Сейчас самое лучшее время. Скоро ночью будет нечем дышать.

— Да уж. Помнишь, как жарко было прошлым летом?

Мы болтаем о пустяках, ожидая момента, когда начнется настоящий разговор. Каждый хорошо понимает, что чувствует другой. Конечно, и у нас был свой медовый месяц, но потом между нами началась битва нервов, которая вспыхивала то и дело.

В последнее время конфликты участились и вылились в непрекращающуюся войну на истощение. Еще одна причина покинуть это место.

Она протягивает мне палочки. Мы в унисон со щелчком разделяем их и тянемся к разложенной на чемодане еде.

— Поедешь куда-нибудь летом? — спрашивает она как бы между прочим.

— Пока не знаю. Совещаний всяких много. Даже не знаю, получится летом взять отпуск или нет, — отвечаю тем же тоном. — А ты послезавтра во Вьетнам? И летом отпуска не будет?

— М-м. Думаю по частям брать. Так что в сентябре, может, еще куда-нибудь соберусь.

Завтра она остановится у подруги, и на следующий день они вроде бы вдвоем отправятся во Вьетнам. Чемодан, заменяющий нам сейчас стол, должно быть, набит всем необходимым для приятного отдыха. Я воображаю, как она стоит на пляже.

Почему-то она представляется мне во вьетнамском платье аозай, в плоской широкополой шляпе из выбеленной соломы.

Я накладываю на бумажную тарелку салат и оцениваю сложившуюся ситуацию.

Мы будто играем в музыкальные стулья. Есть такая игра, когда люди бегают вокруг стульев в ожидании команды сесть, и каждый надеется, что успеет занять последний свободный стул, и места не хватит кому-то другому.

Однако в нашем случае победитель не получит ничего. Скорее каждый из нас хотел бы посадить другого и остаться стоять, и это почему-то вызывает раздражение.

— У тебя волосы отросли, — говорю я.

Она смотрит на меня с удивлением, на ее лице появляется слабая улыбка.

— Только что заметил?

— Давно не виделись. Думал, у тебя все еще короткая прическа.

— Вообще-то, длинные волосы на нервы действуют, и я все время их завязывала сзади. А теперь вон какие длиннющие, давно таких не носила.

Тряхнув тонкими, с каштановым отливом волосами, она приканчивает банку с пивом.

Она всегда носила короткую прическу, но сейчас у нее волосы почти до плеч. Прясть волос красивым мягким изгибом свисает на белый лоб.

Я давно не видел ее лица так близко. Я потрясен до глубины души.

— А как эта твоя?.. Как ее зовут-то? — вдруг спрашивает она, глядя на меня.

Этот вопрос застает меня врасплох.

— М-м. В порядке, наверное.

— Да ладно тебе. Не смущайся, — произносит она бесстрастным голосом, будто про себя. — Привет передавай.

Судя по ее тону, она, похоже, уже потеряла интерес к этой теме.

Мы открываем еще по банке пива.

В самом деле, нам надо говорить не о женщине, к которой я собираюсь уйти, а о том, что касается нас двоих.

С чего же все это началось? Вся эта история?

Видимо, с той самой фотографии.

— Недавно я видела один фильм, — тихо говорит она, не выпуская из рук банку с пивом.

Она по-прежнему избегает смотреть на меня. Ее взгляд устремлен в окно и лишь изредка поворачивается в мою сторону. При этом вид у нее такой, будто она что-то вспомнила. А вот я глаз с нее не свожу. Я на нее смотрю, она на меня — нет.

— В кинотеатре? — спрашиваю я, но она чуть заметно качает головой.

— Нет. По телику. Ночью, — как бы думая вслух, отвечает она. — Старый, черно-белый.

Четверо студентов маются от безделья в такой же квартире. Тут один из них открывает вентиль на газовой плите и предлагает остальным соревнование: кто дольше высидит под газом.

— Но это же самоубийство. И взрыв может случиться.

— Тем не менее всех эта идея захватила, и началось. Те, кто не мог больше терпеть и покидал комнату, считались проигравшими. Побеждал последний оставшийся в комнате. Такие правила.

Интересно, подумал я и спросил:

— И чем дело кончилось?

— Я забыла, — просто ответила она.

— Фильм наш, японский?

— Да. Черно-белый. Короткий. Меньше восьмидесяти минут, наверное. Почти всё действие происходит в одной комнате. Весь фильм студенты боролись с газом, терпели.

— Хм-м.

Я смотрю на нее.

Заняла стул? Это начало нашей последней ночи?

У меня по спине пробегает дрожь. Чтобы снять нарастающее напряжение, я резко встаю на ноги. Она бросает на меня взгляд:

— Что случилось?

— Сигареты забыл купить. Быстро сбегая куплю.

Она изучающе смотрит на меня и тут же отводит глаза.

— Ага! Купишь мне бутылку зеленого чая?

— Конечно. Пол-литровую или большую?

— Лучше большую. Может, ты тоже попьешь.

— Понял.

Я запикиваю кошелек в карман джинсов и выбегаю в ночь.

Хочется закричать во все горло, но я подавляю этот порыв и непроизвольно делаю несколько глубоких вдохов, глубоко втягивая в легкие летний влажный воздух.

Ночь обволакивает меня нежно, чувственно. Несколько минут я стою возле дома, наслаждаясь этим ощущением.

Достаю из нагрудного кармана рубашки смятую пачку. Сигареты в ней еще есть, но мне совершенно необходимо вырваться из комнаты, побыть одному. Конечно, она это поняла. Я никак не могу решиться начать разговор, и поход за сигаретами нужен, чтобы собраться и подготовиться к нему.

Я закуриваю и плетусь в сторону магазина.

«Возьми себя в руки. Это твой последний шанс», — говорю я себе. Скорее всего, она заняла стул. Ночь началась.

Она должна признаться. Этой ночью я должен заставить ее сделать это.

Впереди виднеются огни торгового квартала.

Получится или нет? Услышу ли я от нее этой ночью: «Я убила его»?

Глава 2

Он ушел за сигаретами. Услышав, как дверь закрылась за ним, я инстинктивно растягиваюсь на татами.

Глубоко вздыхаю.

Не от усталости, нет. Просто я не в состоянии, как он, выносить эту атмосферу. Я в ней задыхаюсь, и при мысли, что предстоит долгая ночь, хочется кричать во весь голос.

Лежать на прохладном татами приятно.

Из лежачего положения с разбросанными в стороны руками и волосами, будто ставшими частью опустевшей комнаты, она кажется мне странной.

Обычно помещение, из которого вынесена мебель, как бы становится просторнее. Только не эта комната. В моих глазах она выглядит ужасно тесной. Как мы умудрялись

жить здесь вдвоем со всеми нашими пожитками? Так и хочется сказать: «Не может такого быть».

Комната пропахла салатной заправкой. Почему купленная в магазине готовая еда всегда так пахнет? На прилавках выглядит так аппетитно, что поневоле купишь и того и другого, но до конца никогда съесть не можешь, обязательно остается. Хорошо, завтра забирают мусор. Утром, когда будем уходить, вынесем.

Я вяло поворачиваю голову и упираюсь взглядом в служащий нам столом чемодан, покрытый царапинами и вмятинами. Протягиваю руку, легко провожу по ним пальцами.

Ни в какой Вьетнам я не еду. Это все ложь.

Послезавтра туда отправляется моя подруга Ацуко, а я в ее отсутствие буду присматривать за ее квартирой. Она звала меня с собой несколько раз, но сейчас у меня нет настроения ехать за границу с туристической группой.

Я с детских лет не любила групповую активность. Мне куда больше нравилось оставаться одной. Я знала, что взрослые этого не одобряют, поэтому долго таила от них свою тягу к одиночеству. Скрывала успешно, несмотря на то что пребывание в компании незнакомых людей требовало от меня боль-